

ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ МЕДИАКРАТИИ

Кирилл Бенедиктов

Сложно отделаться от ощущения, что за последний год в России на наших глазах происходит становление достаточно неожиданного тренда. Развитие технических возможностей интернета (YouTube, Twitter, веб-камеры) дало-таки толчок развитию гражданского общества — правда, пока только в виртуальном пространстве. Начиная с кампании общественного возмущения вокруг «дела майора Евсюкова» (высказывались предположения, что в случае, если бы преступление майора не получило такого общественного резонанса, его покровителям удалось бы добиться гораздо более мягкого приговора), интернет-общественность стала оказывать все большее влияние на события, происходящие в реальном мире.

Реформа МВД была в значительной степени подготовлена информационными кампаниями, зарождавшимися в блогосфере (видеообращения майора Дымовского, кустарные, зачастую сделанные с помощью камер мобильных телефонов записи правонарушений, совершаемых милиционерами в тех или иных городах, раскрутка скандальных случаев наподобие избивания профессора консерватории из Челябинска).

Разумеется, подобные информационные кампании проводились в интернет-пространстве и раньше, но, как правило, не приводили ни к каким значимым последствиям. Основным отличием политического сезона 2009–2010 годов стала реакция власти на информационные волны, поднимающиеся в Сети. Начались отставки (в том числе громкие), в ряде случаев дела, которые раньше наверняка были бы замяты, передавались на контроль СКП (инцидент с аварией на Ленинском проспекте) и т.д.

Можно попытаться объяснить это различиями в политических традициях бывшего и нынешнего президентов (известно, что Путин в принципе не очень любил снимать кого-либо из чиновников и тем более *никогда* не делал этого под давлением «общественного мнения») или же тем, что президент Медведев сам является активным блогером. Но эти наблюдения не должны заслонять главного: **общество переросло узкие рамки архаичной модели, которая обеспечивала бюрократии свободу от ответственности за свои действия.**

Сила российской бюрократии на протяжении нескольких веков состояла в том, что она узурпировала функцию общения народа с властью, замкнув на себя каналы обратной связи. Достучаться до условного «царя» можно было только через условного «дьяка» — и никак иначе. Сегодня технические возможности рядового российского гражда-

не находят правды — но всепроникающая Сеть, *киберпространство*.

Нельзя сказать, что революция эта связана с созданием новой информационной среды — среда существовала и раньше. Просто сейчас она начала реально оказывать влияние на процессы, происходящие в обществе и государстве.

Иногда они возвращаются

Главное достоинство Рунета в том, что он, по крайней мере пока, неподцензурирован и неподконтролен — равно как «охранителям», так и «либералам». **Артемия Троицкого** отлучили от эфира либеральнейшего «Эха Москвы» за то, что он собирался поставить композицию Noize MC о топ-менеджере «ЛУКОЙЛа» Анатолии Баркове, а в Рунете эта композиция быстро побилла все рекорды по количеству скачиваний. Здесь сосуществуют чеченские сепаратисты и рус-

Роль политически активной части населения, использующей новые технические возможности Сети, будет постоянно возрастать. В этой ситуации бюрократия теряет важнейший рычаг давления на медиакратию

нина таковы, что он с помощью веб-камеры и ноутбука, оборудованного Wi-Fi, может поднять информационную волну, которая дойдет до «царя», минуя все препоны, выстроенные бюрократией.

По сути дела, речь идет о **тихой революции**, всех последствий которой общество еще не осознало.

Оно получило сигнал: канал обратной связи все-таки существует. Не письма президенту, которые читают безликие клерки; не суды, в которых ищут, но

ские националисты, коммунисты и либералы, охранители и национал-большевики Лимонова. Вероятно, Рунет не пытаются цензурировать еще и потому, что подобное сосуществование играет роль клапана для выпуска пара — иначе измученные невозможностью высказать свое мнение представители тех или иных политических сил уже давно бы начали строить баррикады. Но такое положение дел устраивало власть лишь до того момента, пока интернет-пространство не начало реально влиять

на политическую ситуацию в стране (о чем шла речь в первом разделе статьи).

Изменение баланса сил внутри средств массовой информации очень ярко проявилось в ходе освещения последних терактов в Москве. В то время как сетевые СМИ и блогосфера отслеживали картину происходящего едва ли не с первых минут после взрывов на «Лубянке» и «Парке культуры», телевидение (за исключением канала «Вести-24») делало вид, что в стране не происходит ничего необычного. *«Телевидение проиграло блогам и сетевым СМИ по всем статьям: оно непрофессионально, не в состоянии оперативно реагировать и не чувствует запросов аудитории. Кому оно нужно в таком виде — не ясно. Кто после сегодняшнего дня может доверять телеканалам, представить трудно»,* — пишет в своей колонке во «Взгляде» политолог, член политсовета движения «Молодая гвардия» **Михаил Бударгин**.

Ничего другого от медиасреды, существующей под тотальным контролем бюрократии, ожидать и не приходится. Когда руководители телеканалов озабочены даже не тем, чтобы организовать комментарии «политически грамотных» «говорящих голов», а исключительно хронометражем присутствия на экране первых лиц государства, это означает, что логика медийного руководства уже совершенно неотличима от бюрократической. **Но именно эта бюрократическая логика резко снижает ценность медиакратии в глазах самой власти.** *«Самый мощный медийный ресурс, имеющийся в распоряжении президента и премьера, палит вхолостую уже сегодня, занимаясь в основном трансляцией идиотских программ или фильмов семилетней давности, а также дележом рекламных бюджетов. Такие союзники — похуже многих врагов»,* — заключает Бударгин.

Просчитывая ситуацию на несколько шагов вперед, можно предположить, что к политическому сезону 2011–2012 годов телевидение потеряет даже те остатки авторитета, которые есть у

него сегодня. Разумеется, всегда останется инертная масса зрителей, некритично воспринимающая информацию, распространяющуюся по официальным телеканалам, но ее доля, по-видимому, будет снижаться. Напротив, роль политически активной части населения, использующей новые технические возможности Сети, будет постоянно возрастать.

В этой ситуации **бюрократия теряет важнейший рычаг давления на медиакратию:** любые административные меры, направленные против журналистов, могут стать предметом обсуждения в блогосфере и в конечном счете обернутся против самой власти. Примером может служить история с обозревателем «Известий» **Максимом Соколовым**, колонку которого отказалась печатать газета. Соколов немедленно опубликовал отвергнутую колонку в своем блоге, после чего ее перепечатали несколько десятков интернет-СМИ. Там же Соколов написал, что собирается подавать заявление об уходе из «Известий» из-за цензуры. Очевидно, что в этой ситуации Соколов ничего не теряет, а лишь приобретает дополнительную популярность среди интернет-аудитории.

Кажется вполне очевидным, что в ближайшие годы российское медийное сообщество будет пытаться использовать открыва-

ющиеся перед ней в связи с масштабной информатизацией общества возможности для того, чтобы освободиться из-под контроля бюрократии и отвоевать утраченные в начале 2000-х годов позиции. Не исключено, что, направляя и контролируя информационные волны, поднимающиеся в российском сегменте мировой Сети, медиакратия может стать альтернативной структурой управления российским обществом — правда, для этого потребуются наличие нескольких стратегически мыслящих медиаигроков и мощная поддержка олигархического капитала. Однако это проблемы, скорее, технические. Принципиальная же возможность такого сценария не вызывает сомнений.

И это очень большая проблема для власти, которая готовится к кампаниям 2011–2012 годов. Проблема, этой властью уже начинаемая осознаваться. Действительно, ведь «самый мощный медийный ресурс, имеющийся в распоряжении президента и премьера, палит вхолостую». На телевидении достаточно профессиональных журналистов, первоклассных корреспондентов и грамотных редакторов, но сама телевизионная машина России существует в какой-то параллельной действительности реальности. ■